

скую тенденцию, все они так или иначе ставят вопрос о характере и значении царской власти, об обязанностях ее, а также (прямо или косвенно) утверждают право совета правителю, в частности со стороны представителей церкви. Особенно выразительны в этом отношении главы Агапита и статьи, обозначенные принадлежащими Сократу и Аристотелю. Я. С. Лурье, касаясь вопроса об использовании Агапита иосифлянской политической мыслью, пишет: «Фактически из всех идей Агапита Иосиф (а вслед за ним Феодосий и другие иосифляне) берет только одну: представление о большом значении и одновременно больших обязанностях царской власти. Царь властью „подобен всевышнему богу“, но это сходство не только возвышает, но и обязывает; подобно богу, царь должен „хранить“ своих подданных».²⁸ В волоколамском сборнике № 488 и синодальном № 384/235 киноварной пометкой на поле «эри» отмечена глава из послания Фотия Михаилу «Яко достойт князю о всех промышляти».²⁹

Текст, обозначенный принадлежащим «Сократу, мудрецу еллинскому», начинается с ответа на вопрос «что есть владычествующий». Ответ дается такой: «Владычествующий есть законное надстоание стаду, общее благо всем подручником — ниже по пристрастию благо творя кому, ниже по пристрастию прещение и казнь наводя кому, но противу подвластных добродетелем, яко некий подвигоположник, почести равно дая, ниже новая благодеяния во вред неких неким дарует». В ответе на вопрос «которая мысль есть владычествующему?» читаем: «Свершение же во благых владычествующему есть, еже всегда всем благо творити, сего ради благодетель глаголется. Егда же благая творити престанет, тогда, видится по древних философов, ложно творити владычествующий чин. И явленнейший же и сиателнейший должен есть быти владычествующий в правоверии и благочестии, и в божественей ревности преславнейший».³⁰

Самый факт переписки этих статей в сборниках, созданных в середине XVI в. в Волоколамском монастыре — оплоте иосифлянства, показывает, насколько актуальными были тогда эти проблемы; эти статьи примыкают ко всякого рода «наставлениям и поучениям великому князю Ивану Васильевичу», в большом числе возникшим в этот период. Выдвижение на первый план вопроса об обязанностях царя, утверждение права совета ему, ярко проявившееся в этих статьях, несет вполне определенную политическую тенденцию, может быть, связано как с устремлениями воинствующих церковников, так и с идеологией правительства компромисса.³¹

Таким образом, рассмотрение состава сборников, в которых помещено послание Фотия Михаилу, подтверждает выводы Я. С. Лурье о судьбе литературы, использовавшейся новгородскими и московскими еретиками. «Сочинения, перечисленные в списке Геннадия, интересовали не только еретиков, но и их противников — эти же самые сочинения разыскивал, переписывал с помощью своих сподвижников и рассылал по монастырям Геннадий ... Ожесточенная борьба, которую вели сподвижники Иосифа с вольнодумцами, должна была отражаться на их собственной идеологии: между культурными интересами еретиков и „обличителей“ неизбежно возникало известное соответствие».³² В данном случае можно говорить не только о культурном, но и об определенном политическом взаимо-

²⁸ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба... стр. 477.

²⁹ ГБЛ, Вол., № 488, л. 36 об.; ГИМ, Синод., № 384/235, л. 316.

³⁰ ГБЛ, Вол., № 522, л. 363—363 об.

³¹ Подробно см.: А. А. Зимин. 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 71—108; 2) Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 316—329, 378—391.

³² Я. С. Лурье. Идеологическая борьба... стр. 189, 267, 283.